

ПОКОЛЕНИЕ

выпуск двадцать второй

книжное обозрение

В начале XXI века в поэзию вошло новое поколение. После нескольких альманахов и антологий этот книжный проект впервые представляет читателю самых ярких его авторов.

Виталий Пуханов
Клуб «Дебют»

Дмитрий Кузьмин
Издательство «АРГО-РИСК»

Илья Баранов
дизайн серии

Василий Бородин

ЛУЧ. ПАРУС

2008

ББК 84.Р7 – 5

Б 83

Василий Бородин. Луч. Парус: *Первая книга стихов.* – М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2008. – 64 с. – Серия «Поколение», вып.22.

Василий Бородин (р. 1982) живёт в Москве, публиковался в журнале «Воздух», альманахе «Временник Новой Камеры Хранения», в интернет-проектах «Полутона» и «TextOnly».

ISBN 5-86856-162-7

ББК 84.Р7

I

ветер сорван с пилоток и паток
и касающееся людей
превращается в недостаток
и присутствие сил площадей

и звезда и звезда что карает
утыкаются в наши рты
как совиная прелесть рая
перед улицей Пустоты

ужас кажимости и жара
заворованное созвал
и качающегося шара
сердцевину не обозвал

сердцевина была короной
уходящего дна пятой
разворачиваньем урона
золотой ветряной плитой

— ветер карлик и ветер посох
соловей человек и чуб
умирающий под вопросом
колотящийся по плечу

тьма просто тьма луч петляет как мёд в меду
тянется на меня и я опять иду
вон проникаясь вырванными тобой
миром и всем за миром и голубой

пятнышкой в фиолетовом решете
смотрит на меня милость как на щите
змеи не отразились и я жива
маленькая неверная синева

что меня бесы прочие говорят
лук непровисший ласка на фонарях
вызревшая в метели и дождевой
радуге полетели а он живой

вот что приснится бесам когда на мне
вырежут слово месяц и дату нет

1

мой хохоток подъёмный пили
улицы и пробираясь мимо
кожи в уход играли трубы
трубы военные мои

улица летом это пиво
холод из дыр больших голов и
молодость крови ослепили
эти глаза за ровной ловлей

улицей пели в игральне трубы
случая воинского везенья
и мимокожное угрызенье
вывернуло меня как губы

я здесь гуляю я здесь плохо
вижу невидимое и сзади
ходят такие же глаз тетради
вымаранные отметкой плохо

я в них заглядывая не верю
скрипу дверей и походке Двери
мимо протаявшей воздух или
я не о трубах или или

веко и воздух мне порукой
жидкий молящийся на мнимость
солнца и всё что входит в минус
пережигает мои руки

помнишь на вечной памяти солью
свет подъядался кровь железкой
ехала сквозь москву светилась
пеплом взвивалась белым белым

сердце потрясно песня пела
ныла ворот святую совесть
вытекло высветлилось и просто
стало бельмом или белянчик

это же сердце шло ну помнишь
вызубренным путём по круглым
стенам из пепла кровяную
пыль нагнетало световую

пыль перемешанную с багровой
с пепельной слало выше как бы
по еле выгнутой хорде или
меридиану всё твоё

— это слова о любви о весе
крови о пепельном осадке
только оставшемся и свете —
крови и ветра нет

свет униженья вались на снег
голый пронзительный мировой
голый пользительный хоровой
свет униженья вались на снег

снегу не падать уже смотри
снег обольстителъ лежит пустой
снег обольстителъ глядит пустой
снегу не падать уже смотри

выбери время сними с него
кожицу тонкую как с губы
кожицу тонкую как с судьбы
выбери время сними с него

свету не падать уже лежит
жмурится холодно мнётся вспять
жмурится холодно мнётся спать
свету не падать уже лежит

выбери время замкни его
током объятъями навсегда
током объятъями и всегда
выбери время замкни его

1

кости глоток костей водная голова
вычертит струн гостей вора и на лаваш
лестница упадёт улица пережмёт
яблоком голубым яблоком голубым

имя зверей звенит воздуха головной
мозг через тридцать лет яблочный нитяной
вышедший из-под рук утреннего луча
вымерший изумруд головы без ключа

вылетели внутри времени голоса
ходят по две-по три маются на сносях
сносят себя собой вымерзшие орут
мокнут и тают в бой выжженный изумруд

острова голубей нет голубей его
палицы и грубей пальцев и ничего
не обретает плоть прежде чем стать своим
остовом говорю и исчезаю с ним

2

топ оборот поворот голов
в голову собранных оборот
той головы голизна голов
головы собранные в лоб

ухом вода лоб и глазом длясь
опустошённый как валясь
гладкими голенями на рой
крови становится сам кровь

кровью становятся друзья
лба оборотом как изъян
времени лепится ко всем
улицам взглядом и на совсем

перегоняет иногда
дует в отравленные суда
вылезшие и горизонт
складывается как зонт

пестрел дым и стрел дым
сорвался на трасс лёд
и рук породней лёт
успел вырубить им

хором даль и ум дыр
суля и пленять лань
за след в рок и плеть дыр
гулять ложь и лить длань

пройдя свет в ушной червь
замёл год урок мил
суясь вслед виясь вервь
ума снясь как мой мнил

узор свет кулак мал
зиять лап судом рок
полил дым и свёл пал
кулич неба с свой срок

страшный король ворвется в угол
выйди кораблик стань и будь
режет и голый светом угол
вырви кораблик будь и пой

самое гордое страданье
видеть искусство сереть людьми
самое верное испытанье
видеть и стать и самим собой

роза исполненная и зломом
самое дело купить воров
соло на трупе и гастрономе
самая пыль собирать и кровь

утро карабкается под нами
суть и пороть и вертеть судьбе
самое радостное старанье
самое радостное тебе

партия ветряных
жнёт собирая льны
хлопки и прочий прах
на золотых ветрах

и верховая ночь
первый отряд вперёд
тешится как луной
и города берёт

вместе с годами жнёт
олова молоко
и превращаясь в гнёт
сани поют легко

песня таких саней
как бы на глубине
перемещение мин
голод и божий тмин

что там поют в строю
голые плечи свет
голоса как в раю
вырвавшийся завет

сланцам поёт руду
солнцу поёт луча
голую злую дурь —
переворот плеча

и койки ворочаются во рву
и койки рожают себе друзей
и все собираются как живут
и вес начинается как музей

останков короткой волны и дня
и чёрным лучом непрошитый ствол
растёт из картавящего меня
и я в нём теку как не естество

а створки и пепельные глаза
и пение ветра внутри саней
и голые руки и кровь-слеза
и листья низложенных зеленей

вот песня и песня и мой костыль
на теле воронье гнездо в груди
воронка и горло и впереди
горячей молитвой укор остыл

1

спокойствие в таком как ты
лежит гнездо и льётся свет
не льётся каплет вспыхивает
жжёт и говорит
я сам себе из пустоты
беру себя и вижу след
не льётся каплет вспыхивает
лжёт и не горит

и в мир по донным острову
и пятке тихо вспоротой
идёт не ток а изнутри
забившаяся кровь
и говорит я не живу
я вам служу опорой
иду на ток и он внутри
единственный кров

пошли как танец ластится
к смертельным взглядам ластится
к таким горячим пятнышкам
и ямам и всему
он танец он как ласточка
во рту у мёртвой ласточки
с таким горячим пятнышком
в таком слепом дыму

и все танцуют танцами
летят полётом ломаным
звенят звонком оборванным
как песенка про всё

с такими же испанцами
как те что шли по ломаным
воздушным лестницам и сны
собрали в этот сон

2

сегодня снег сегодня с ним
как ехала гроза
идя по тропке между ним
поехали глаза

и им в себе как ложный след
ложился на святой
и пробегало через лет
опорной пустотой

несчастье счастье тра-ля-ля
во рту звенит земля
серя именем чужим
мотая на режим

ума на парусность его
и что-то несвоё
в углу дымится как ружьё
течёт как Ничего

прощай пора прими мой день
за устье немоты
и мрачный стен немрачных день
— а ты а ты а ты?

нищета обнимающая себя за шею
снится ветру и в каждом узле ушей и
в каждом яблоке слов пробегает ямой
загибаясь за ствол как на фудзияме

всё бело от записочек упокой и
говорит звезда со своей рукою
разотри меня и вдохни поглубже
и смахни как ветер с горячей лужи

— нищета пробоин винта распыл и
топь голов и голос в огне простыл и
городá поют как звезду хоронят
засыхая медленной кровью
кровью

танец горит и воля та
танец горит и пустота

вот эта музыка холод лба
мокрая улица и труба
чёрная плёнка и световой
горестный ливень и первый вой

вой это гинзберг живёт внизу
чешет подтяжки жуёт слезу
видимость гинзберг чужая власть
нежность отчаянья началась

вырви нам вырви чужие лбы
выйди из зеркала и судьбы
в ритме изменчивого труда
видимость тела его слюда

разность измены и простоты
чёрные мокнущие бинты

эти бинты начинают ныть
если сказать и очисти ны

мистик валялся в родном угаре
вымерз и стал как напор паров
вышел и срезался и Гагарин
вышел в открывшийся из миров

вот по Гагарину ходит цапля
водит не глазом а Бог пером
переключая с себя на царство
перелопачивая погром

мир замыкается как воронка
сложно и бережно топит жир
и поднимается оборонка
как переломанный пассажир

я тебя знаю ты холод ада
выжатый из раскалённых рук
ты перемешанная награда
слёт источающихся наук

в этой реторте не кормят ядом
в этой реторте броня крепка
и собирая народы ядом
сладкая вертит узлом тоска

сунься и высунешься скелетом
вырвись и вырвутся позвонки
вечная райская злая Лета
вечные злые выпускники

памяти смерти хотелось хором
выплюнуть улицу и пойти
по раззолоченным этим хорам
облачным скажешь — так не простит

ухо воронка как пела где-то
рядом хорошая Бутч пока
свет перемешиваясь с Летой
видел короткие облака

в луже разжечь — и
раненый род
едет пришедший
наоборот

к нищему зверю
братъ из ноздри
или по вере
в поводыри

мокрая люлька
свет колесом
розов в июле
сер невесом

волком на волке
веет вода
черная елка
о или да

пятка утопни!
розовый клок
свет по потопу
снег поволок

и колыханьем
таз не щербат
или прощаньем
или судьба

<...>

мор или радость
мерзлая дичь

вымерить разум
и не постичь

выжать ли тает
ноготь ли шить
как облетая
но не тушить

год наворуем
будем жалеть
звездную сбрую
черную плеть

мир беспилотный
жар на плетне
в песне болотной
в горьком огне

||

1

агнче развесься
пыль говорит
светься и светься
мир не горит

ходит кругами
падалью лжёт
ходит ногами
нас стережёт

пыль его агнче
носят дворы —
чёрную агнче!

2

вот-вот и музыка жива
как ранняя трава
как изрешеченный змеёк
как каменный паёк

подпрыгивает голодать
искать не ищет пьёт
горит как в ангеле её
забилась благодать

из флагов сложенная твердь
роится и роит
как роды дыр и роды смерть
на мёртвые струит

обломки агнцев дней и вне
её её огонь
прогнобленный как вечный гон
о чёрной головне

3

тропа замёрзла катится сурок
трава замёрзла катится курок
ничто замёрзло катится вода
совсем замёрзло это города

совсем опало это ремесло
свистеть и падать вот его число

движение по следу рва
и жжение в разобран бес
и свет лежит едва-едва
и свет лежит и нет небес

ворота скалятся таят
и вырвав некие края
передают себе-вторым
как отторжение игры

в огромном месяце и здесь
страница вызова струной
пересекает слово где
перерождается в иной

поток исполненных чудес
самонедвижущийся груз
и переходит землю бес
как переходит небо трус

вертись вертись мой пленный ров
переходи на стон угла
за той коробящей игрой
в отсутствие и силу зла

на ветре кормчем в узком сне
в переходящем в землю рве
в изнанке-дне в изнанке-мне
в апоплексической траве

вот светлый свет разбит горбом
и света нет один дурдом
ведёт за лодочку москвы
прощальный месяц головы

в том месяце из купы рощ
полился свет на сонмы стран
и глад покинул океан
и расплеснулся как на рощ

ряды напал ветров отряд
и всё опять стоит как всё
и руки мнутся как на всём
сухими кольцами горят

переходя в любую ветвь
душа колотится как свет
на слове тот и хор голов
несётся мимо этих слов —

у головы лежит язык
в измятом кошельке
и что ни вымечет язык
как строчку по руке

перепадает с ног на смех
и грим его горит
как ум людей и белый мех
у милости внутри

я скачущая девочка и Сталин из-за нас
летит по небу делаясь закисший ананас
и нас им угощают и голубки и врачи
и ставят между щами и картоном не кричи

и сам в узле смирительном смирения волан
летит летит и катится по кафельным полам
и пылью вьётся светится готовится игра
и мы её разметили уже позавчера

вот тут привстанет Лёконька в остриженных кудрях
и скажет это лёгкие и это у нерях
а нам протезы сварены из нынешних резин
и только плачет Варенька как зоомагазин

при выстрелах не крестятся а делаютя всем
системой переменных и осокою в росе
и каменными сводами и негром на песке
и маленькими родами как жилка на виске

картинами Ефанова при кролике живом
мы будем и инфантами при царстве ножевом
и каменными кубиками улиц золотых
и кубиками рубиками в черепае пустых

пустые ходят строятся и делаютя сляб
заводы ходят роются в их огненных соплях
и вытянув ненужную изогнутые спят
дорогами разбуженными солнца не кропят

и солнце родит маленьких как мы перед собой
исполненных замаливаемым и голубой
потрескавшейся улицей Шеолом и губой
и лица сутулится тобой тобой тобой

наш Сталин пыльный юноша с собакой на земле
как жертва гитлерюгенда в жиреющей золе
летит по небу хлопьями и хлопая глядит
и нас с такими лобиками больше не родит

а Лёконька катается и пену рассекать
корабль идет и тает сам и хочется икать
как сытому беспамятству родительской любви
и Варя оступается и Варенька в крови

наш Сталин это лестница хотели мы сказать
и Варенька прелестница пытается вонзать
а нож убитый масляный учился у Дали
которого не видели в которого пошли

пошли пошли почапали как нянечка сказать
пытается а Чаплина не хочет показать
а Чаплин это Сталин передвинутый вовнутрь
с такими же усталыми прогулками по дну

но Чаплин — перевёрнутый и дно на небесах
купается коровой заблудившейся в лесах
с оборванным бубенчиком с луною на рогах
и мы в стеклянных венчиках как песня о богатых

итак мы помним палую листву календаря
подбрасываем падаем и окнами горят
меж операционными сортиры и т. п.
и мы на каждом выдохе становимся тупей

сейчас мы просто катимся качаемся сидим
как пела эта Катенька отчаянье едим
и серая дорога полушага и любви
катается и катится по Вариной крови

и всё что видит Лёконька дорожные дымы
завод эвакуируемый брошенные мы
как голуби с счастливой и прокуренной руки
и дыры в новых ливнях и такие огоньки —

пели мы это стоя

1

перекарлицын дурак и
отражение в бараке
строят голову земле
попадают на крыле

в область некоторой меры
выпадая из руды
королевские химеры
пропадают из беды

и народ как сон крестьянский
с добродетельным венцом
опадает на пространство
перебитым подлецом

что же головы народов
в каждой синие виски
пропадают как свобода
молят синие тиски

сделай так чтоб нас не стало
чтобы плоскою плитой
наши кости опростало
голубое решето

2

пережди созвон пустот
будет мир и будет тот

3

горка бесов ровным видом
как фигура на парад
заколачивает виды
как рождественский наряд

и растёт скелет объёма
до горячих рубежей
и трещит его солома
как иголки у ежей

— вот по пням прозрачным руку
водит эйдос Немота
и напарываясь руку
отдирает от креста

4

я немой дырявый корень
отражений в пустоте
у меня лежит покорен
мир в разомкнутой пяте

пробегаю позвонками
и обратно восстаёт
и с его выпускниками
только — — — не пьёт

5

на поля с их ровным жиром
едет мельничная тень
воздух первым пассажиром
провожает в пустоте

взглядом взгляда отраженье
на растёкшемся глотке
и вступает по движенью
в след на вечном молоке

— обернись на вероломство
я люблю как не любил
вот воздушное потомство
вот объемлющий дебил

вот отъемлемое небо
протороченное мной
вот обещанная нега
как единый проездной

вот стихи про чёрный тлен
и стихи про чёрный плен
рядом девочка смеётся
значит мы уже мертвы
рядом девочка смеётся
не снимая головы

у поэта есть проклятье
видеть розу из лучей
и качать её в объятьях
как разлившийся ручей

и пока он спит и видит
кровь бежит из рук ручьём
и никто её не видит —
это неизвестно чьё

торжище торжище
улица копала
торжище торжище
улица пропала

едет это слово значит выпадение времян
и ничто в нём не маячит только слёзы из румян

пылью неба покланёмся
словом твёрдым прикоснёмся
опрокинемся валет
станем волнами земле

при земном прикосновенье
упорядоченный вал
превращается в движение
как в осаду голова

светом вывернутым ядом
прекословящая тень
просочившаяся рядом
пресекается в плите

устроители проклятий
жмут утерянную кровь
при слиянии изъятий
превращающую кров

в укороченные тени
самородной пустоты
и коробки сновидений
провисающие рты —

— мы умеем быть имея
неприсутствие своё
каменя камня
заворачивая йод

1

— и с Солнцем мёртвым смесь игры
и чёрного труда
в слепом отверстии пары
и твердь и лебеда

сыреющий упор на свет
уход через игру
и самоварный первоцвет
и смерть и чёрный труд

в починку сдай свой первый свет
и в стенку бей звездой
и открывайся как Завет
и вырвавшись ездою

возьми воротами зеркал
зарю в ответном сне
и обрати свой свет искал
и это будет мне

2

в жару вертящихся в пару
мечтающих о рве
с изнанки видящих игру
и то что их не две

а ноль умеренный живой
и бес сторожевой
не проникающий в облёт
земли и бьющий лёд

мой правый ветер жнёт угар
и парус жмёт удар
тем жестом что в ходу в аду
не как отдельный дар

а как чернеющая плоть
мерцающая плоть
которой нечего жалеть
и нечего колоть

3

на путь исполненный подряд
и смерти и звезды
врачи надели звукоряд
и белые лады

возьми под рану говорю
и будет течь состав
не крови а звезды горю
как некий ледостав

— убри хотелось убери
изгни и изгони
с такими родами внутри
не пелось искони

а лопалось и жглось ничем
качалось над собой
в воздушном утреннем ключе
в осанне голубой

махая лирой пал
светясь на веке пал
потом опять ничто
и кто ему не мир

а тает государь
как имя государь
летает на пару
купается в жару

умом умом умом
как паузой в самом
уме лежит зерно
и вот оно оно

раскрылось вверх и вниз
горит от низа вверх
катается как верх
коснись коснись
коснись

1

прясть смертью мёртвых холод день
зеро пологая полынь
плетётся сетью по дворам
по огороженным хорáм

при смерти смерть стоит золой
звездой долой полынь мерцать
перегибается на дцать
и с нами нам тепло тепло

под обмороженной щекой
полпоцелуя глупый лёд
пролитый внутрь глазной облёт
ничейным ветром и покой

присесть над небом на следы
от звёздных слёз ходы глубок
и плосок ветер верен Бог
и вот Его следы

2

костры из лиц летят по дну
а поверху суды воды
суда свезённые в одну
большую брешь стоят как льды

стоят облитые своей
воздушной молодостью и
в нас перерывы не свои
и ветер паузы быстрее

пережигает разговор
солёным уличным кивком
и провисает неживой —
как жизни ком под потолком

Пионерские песни

1

вот слава и слеза
и мёртвые глаза

мы ехали вокруг
изменчивых рук и вдруг
вросли в свою любовь
как небо и часть — убог

листающий воротá
изогнутый ветер рта
и сломанный ветер — та
что íзнова нечиста

в олнующемся себе
ликует отряд совят
и кол проникает бег
и небо тебе не свят —

— ворочается ломоть
и камень суётся в рой
исторгнутых под самóй
игрой — и горит игрой

2

и в ветре пепел-день ура
и в воздухе дыра
и черепное солнце дым
и важность до утра

с разрывом рек с уроном пар
качается в руде

и конный остров бьёт в удар
и мы теперь везде

мы гаснут ямки в фонарях
и слава льёт сурков
и небо мокнет на дверях
младенцем из оков

короткий волос пульс беды
венчание с бедой
и ярость ливней молодых
мой ливень молодой

ворочаясь горя и зря
играют земляки
и из-под ног летит заря
в уроны и гудки

там поезд спит спешит и бьёт
гашеткой о крыло
и кровь молитвенно гниёт
и это весело

— возня возниц вороний сын
летит на палаче
как луч бегущий от росы
врывается в ручей

и семя радости светло
и радость за лучом
летит из рока самого —
сияющим плечом

3

вытек ветер —
горька на память

вытер память —
легка не мимо

так любима что и любима

тянет садом —
ломает парус
вырос парус —
катает имя

так любима что и любима

— с трупом паузой Государя
все не смели листать обои
и огонь за огнём ударил —
мы копеечные обои

слева камень в анатомичке
сердце щупальце естество
слева улиц больной певички
— — — естество

— мы копеечные запомни
кralись-вкralись и скralи-кralи
и — огонь на огне сыграли
и огонь и огонь огонь

трамвай с оврагом на лице
и буквой в конце
я этот выберу трамвай
и не переживай

он едет вместе с плотью лет
и видит солнечный скелет
в венце и славе и венце
и с буквой в конце

я у трамвая съем дугу
и выйду в гости к сапогу
и ко второму и к друзьям
подобью умных обезьян

вот мирный год и тьма вокруг
и злые фонари внутри
и новый друг и фонари
венец и новый друг

III

Памятник раю

Гибель созвездная, рай костяной,
я человек на лопате,
полуотпущенный, полубольной,
в яростной облачной вате.
И при пожаре сбегая со мной,
ты — не огни на ладони,
а отражение, блик водяной,
оторопь первой погони.

Слизь боевая, дурные слова —
мы с тобой этого стоим;
сложность сияет, и видит трава:
кони и кони, покойник.
На подоконнике времени блик,
лик же его на погоне:
траурным маршем разлей корабли
в нижнюю вечность: догоним,
и отразится в нас времени круг
алым венцом обелиска,
и направляющий времени друг
скажет лицом василиска:
вы меня таяли, в ложках несли,
клали в себе на лопате.
Вот же в подарок вам камень Земли,
в огненной, облачной вате.

Кости тетрадей в оплавке людской —
что и не ради, погибель,
жнут твой ответ солевой, холостой,
грязный, как равенство, гибель?
Что, возникая, прикажешь вводить
в облако и заблужденье?
Только вода, только свет впереди.
Только моё заблужденье.

Плоти не будет, замкнётся костёр —
пыль его, пыль водяная,
и, вынимая из неба сестёр,
выживет клетка грудная
только, и пылью от черепа свет
выберется к отраженью —
в солнечный, солнечный, солнечный свет.
В чёрное это движенье

Пламени лютого лыбится лёд —
плавится, как умирает,
жмётся к границе и хочет в полёт,
лапками перебирает.
И замирают слои: в временных
кости родные не дышат,
в райских же сад забирает под дых
камешки времени — слышит,

как, отслоившись, моя голова
чертит круги над пожаром
и забывает большие слова,
полнясь и радуясь жаром

Сломанный ветер, вертящийся газ,
облачко перед полётом;
времени веко не рвётся за глаз;
пахнет вода самолётом.
Где бы ты ни был — в отраве труда,
в облаке ли вожделенья, —
помни, как Смерть: за тобой Никогда
плавит себя в поколенья.

Яма и рана живут с головой,
только же яма и рана
в памяти кожей сочатся живой,
выстроенной охраной
в круг лучезарный вокруг самого
света, и, видя над раем
наш неподвижный спасательный круг,
знают: мы не умираем.

15 июня 2007

это я умер и молёжный стиль
лапа и лапка тают
как обречённый выси гнилой костыль
мама и смерть летают

я бы и таял именем на снегу
холодом у подранка
но воротиться святостью ни гу-гу
пуговица проранка

это поём на лезвии виража
утка уток галеты
трапеза холодильник и на вожжах
солнечные скелеты

умирая отужи воду облюй карликовые сосны
влачась пламя
трогается на смыслы и переносный
горит раной
тлясь подожди тлясь и загораясь
склеенные ворота
тушатся промедляя коричный пепел
и ждут работы

вот и она с ними она с ними
дурной полоз
мать голубой синий
у них волос

1

трогая дыханье мира
ты ли мой
жареная трещет лира как немой

тварное моё голодно смесь смесь смесь
тварное мое угодно
месть

им тропы вара не пар и не прах логик
типа рост ломит
вас часовые
как?
проще нового роли тычут себя в паровой фаре
имя народа ворс
это миссионер

трагик чужая честь мирит с горой целость
мимо живёт карп и король юг

дети

числа передвигаясь идут на полёт мира
орды миров негой цветут в истине подгибаясь
тратятся на голов наливной ум
его же царств миром и так будет славиться череп имени

И СВЯТЫХ

жди
эстрада

там передвигаясь на правых часах топят ухо
это же колесо пишет

земля земля
в раме сидит маха и чёрным оком
плавится день ненастий и не-миров

туда

год плавит небо
живя с небом
таешь и чувствуешь как исконны твои следы

ты

микроследовательность тысяч плещется в отражении
одного

блик

блик

право непросто щурясь на дым и дело
дыма снимать окрестности с осевых
право непросто таять на вековых
жерлах опереженья

так

зыбкие станут справа
галоп вокруг
деньги к счастью
ближе дыханья лепет прошу проститься сейчас уроним
нимбы и нимбы да?

тракт

оберег жизни память светясь плавится на обёртке
женя пойдём вокруг тут такая вонь

это немецкий порт

2

справа

живёт остаточный человек

горло его же имя струна струна

он проникает в вечность и тает над

как нам такой исход

проводя ловишь

ум и не прикасаясь ведёшь назад

масть

мира

мимо

желание есть траченный миром жест

код

остов его же —

тронная речь на веках

1

мы поедем

а

мы поедем

а

мы поедем

по пустоте

с съеденными и сами съедем

с миром праху по пустоте

с ясным дымом и гордым дымом

переходя и

не приходя

обрекая себя на имя

проникая себя в гвоздях

долгим паром на долгой паре

на вечной жизни

себя стеречь

голым пали горлом пали

и припадали

как эта речь

2

ходит мир как

по перепонке

сломит мир

перейдём на круг

с ложным паром как по воронке
с похоронкой идут на круг

а за кругом сияют зéмли
чёрных папертей голоса
с небом истинным как в конверте
как в оставшихся волосах

3

ходит именем по подруге
год ворот и молох труда
ходит как бельевые руки
и холодные никогда

плавить землю свивать железо
трогать оперные ключи
чистить остовы гнать под лезвий
ядовитые калачи

год молитв и гортанных парус
мен и мер оборотов рой
струн молитвы и чёрным паром
оборачивается строй

Дорога

гадательные имена мотай меня струна
потом обёртывай меня в ненужного меня
потом верти меня верти воронками в горсти
фрактальной улицей души души меня души

а выйдет что какой-то бух и камешек летит
летит не катится остёр как облики в горсти
как молнии из облаков израненные сны
черешни голые веков вино из белизны

а там и трапы и дурдом голов казённый ряд
мешаясь с обликом содом утапливает в грязь
свою разношенную тень горячие глаза
как дыры в тени и назад нельзя смотреть назад

что происходит с головой когда она одна
по ней струятся как прибой и ходит сатана
на плетевых и плечевых разжав карандашах
косые оклики живых и это есть душа

в хорошем небе плотяной ворочается стыд
и головной стоит привой как лампочка-костыль
и тёмные карандаши сползаются как вши
и это есть конец души венец её верши

голодный поезд-человек чурается свиней
они горят в его огней подобии лица
царапаются языком стреляют косяком
торопятся на перелом воды и в горле ком

под ними троечка бежит себя не бережёт
а в ней коробочка лежит себя не стережёт
а в ней головочка моя холодные края
ворота истины самой корявый земляной

уступ голодные глаза распаянный сосуд
куда немея на глазах головочку несут
и растворимые сады они же пустота
свисают с облака седым подобием креста

на перегоне тверь-париж или в своих дверях
сияя небом говоришь я платина сия
зари душа карманный тон земли карандаши
сливающиеся в рубеж оболганной души

меня не тающие льды ворочают в горстях
ума и лампочек-людей а золото и стяг
перекрывающий врата как ангельская ста
глаз-отражений белизна и русая стена

галопа кость горда горда мерцающей рудой
гармоний облаком давясь она в себя седой
приходит тихо по утру горит озноб её
как опадение помех и старое жнивье

холодных лиц с горячих глаз закрытым виражом
с голодным островом саней с объединенным ножом
с холодным царством бытия где дудочка моя
перемещается ужом качается бомжом

пора пора пока пока в свету не въели брешь
где заройтся пустота которую не съешь

не перекроешь тел своих горячим рубежом
не отразишься не проешь своим же миражом

из тех пустот не выход плен в огромных зеркалах
где тень от радиопомех раскачивает зла
косую тучу в облаках из радиотрясин
закрученных как пережат из линии
вкуси

СОДЕРЖАНИЕ

I

ветер сорван с пилоток и паток...	6
тьма просто тьма луч петляет как мёд в меду...	7
1. мой хохоток подъёмный пили...	8
2. помнишь на вечной память солью...	9
свет униженья вались на снег...	10
1. кости глоток костей водная голова...	11
2. топ оборот поворот голов...	11
пестрел дым и стрел дым...	13
страшный король ворвется в угол...	14
партия ветряных...	15
и койки ворочаются во рву...	16
1. спокойствие в таком как ты...	17
2. сегодня снег сегодня с ним...	18
нищета обнимающая себя за шею...	19
танец горит и воля та...	20
мистик валялся в родном угаре...	21
в луже разжечь — и...	23

II

1. агнче развесься...	26
2. вот-вот и музыка жива...	26
3. тропа замёрзла катится сурок...	27
движение по следу рва...	28
вот светлый свет разбит горбом...	29
я скачущая девочка и Сталин из-за нас...	30
1. перекарлицын дурак и...	33
2. пережди созвон пустот...	33
3. горка бесов ровным видом...	34
4. я немой дырявый корень...	35

5. на поля с их ровным жиром...	34
вот стихи про чёрный тлен...	36
торжище торжище...	37
пылью неба покланёмся...	38
1. — и с Солнцем мёртвым смесь игры...	39
2. в жару вертящихся в пару...	39
3. на путь исполненный подряд...	40
махая лирой пал...	41
1. прясть смертью мёртвых холод день...	42
2. костры из лиц летят по дну...	42
ПИОНЕРСКИЕ ПЕСНИ	
1. вот слава и слеза...	43
2. и в ветре пепел-день ура...	43
3. вытек ветер...	44
трамвай с оврагом на лице...	46

III

ПАМЯТНИК РАЮ	48
это я умер и молёжный стиль...	51
умирая отуши воду облюй карликовые сосны...	52
1. трогая дыханье мира...	53
2. справа живёт остаточный человек...	55
1. мы поедем...	56
2. ходит мир как...	56
3. ходит именем по подруге...	57
ДОРОГА	58

«ПОКОЛЕНИЕ»

Дина Гатина.
ПО КОЧКАМ

Ксения Маренникова.
RECEIVED FILES

Михаил Котов.
УТОЧНЁННЫЕ ЛАСКИ

Татьяна Мосеева.
СНЕЖНЫЕ ЛЮДИ

Юлия Идлис.
ВОЗДУХ, ВОДА

Пётр Попов.
ЖЕСТЬ

Илья Кригер.
ИНТРОСПЕКЦИЯ

Анастасия Афанасьева.
БЕДНЫЕ БЕЛЫЕ ЛЮДИ

Наталья Ключарёва.
БЕЛЫЕ ПИОНЕРЫ

Павел Гольдин.
УШАСТЫХ ЗОЛУШЕК СТАЯ

Марианна Гейде.
СЛИЗНИ ГАРРОТЫ

Вадим Кейлин.
ЯБЛОЧНЫЙ SPACE

Андрей Гришаев.
ШМЕЛЬ

Настя Денисова.
НИЧЕГО НЕТ

Анна Русс.
МАРЕЖЬ

Данил Файзов.
ПЕРЕВОДНЫЕ КАРТИНКИ

Тимофей Дунченко.
КАПКАНЫ ДИВНОЙ КРАСОТЫ

Тарас Трофимов.
ПРОДАВЕЦ ПОЧЕК

Анастасия Романова.
БОЛЬШОЙ СОБЛАЗН

Денис Сюкосев.
ЭТО ЧТО

Алла Горбунова.
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ, МАТЬ АДА

Василий Бородин.
ЛУЧ. ПАРУС

Клуб «ДЕБЮТ»
info@mydebut.ru

Издательство «АРГО-РИСК»
info@vavilon.ru

ЗАКАЗ КНИГ ПО ПОЧТЕ
(современная русская поэзия)
<http://www.vavilon.ru/order/>

Подписано в печать 1.04.2008. Усл.печ.л. 1,75
Гарнитура Футура. Формат 70х90/32. Тираж 500 экз.
Изд-во АРГО-РИСК 117648 Москва, Сев.Чертаново, 8-833-218.
Типография Россельхозакадемии. Москва, ул.Ягодная, 15. Заказ .